

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2018.1.1

Не божий дар, а феномен природы

И. М. Ильинский

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья представляет авторское осмысление личности и творчества русского писателя И. А. Бунина. В центре внимания автора — проблема психического состояния гениально-го творца, в том числе роли наследственности. В основе анализа — теория европатологии Г. В. Сегалина, писавшего о патологиях как биологических факторах гениальности.

Анализируются родословная И. А. Бунина, особенности биографии его родителей, самого писателя. Приводятся свидетельства очевидцев, высказывания Бунина о себе, упоминаются факты его жизни.

Ключевые слова: И. А. Бунин; русская литература; психология творчества; психическое состояние; гений; европатология; Г. В. Сегалин

...Генез великого человека связан органически с патологией, если понимать патологию не как болезнь, а как биологический фактор, который является одним из сопутствующих биологических рычагов генетики и в создании природой великих людей.

Точно так же... патология великих людей есть необходимый компонент биологической структуры личности великого человека.

Г. В. Сегалин, основатель теории гениальности — европатологии (Гениальность ... , 2006: 37).

В 1890 г. в России Ф. Ф. Павленковым была основана и в 1933 г. продолжена М. Горьким серия биографий «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). С перерывом в 17 лет за столетие в серии ЖЗЛ по нынешний день опубликованы биографии более 2000 «замечательных» людей, когда-либо живших на Земле и оставшихся в памяти человечества. Это люди самых разных стран и наций, самых различных профессий и сфер человеческой жизни: философы, историки, социологи, физики, химики, математики, полководцы, короли, цари, авторы различных теорий, государственные, политические и общественные деятели, мореплаватели, космонавты, писатели, поэты и т. д. Некоторые, не менее достойные и на кого не обратили почему-то свое внимание писатели и журналисты, уже канули в Лету, хотя имена их на слуху, и, быть может, миру станут известны не только открытия, теории, формулы, изобретения и подвиги, но также и судьбы этих людей.

В соотношении с миллиардами некогда живших и еще живущих на планете человеческих особей когорты «замечательных» людей неимоверно мала. Но именно их необыкновенным умом, особыми творческими способностями и феноменальной работоспособностью создано то, что именуется культурой человечества во всех ее ипостасях — от технической до духовно-нравственной, а по сути дела — и сам Человек, как не только «общественное», но и «окультуренное» животное.

Версиров, герой романа Ф. М. Достоевского «Подросток», высказал удивительную мысль: «У нас создан веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, — тип всемирного боления за всех. Это — тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек — может, более, может, менее, — но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу. Скажут — мало, вознегодуют, что на тысячу человек истрачено столько веков и столько миллионов народу. По-моему, немало» (Достоевский, 1975: 376).

В те юношеские годы, когда я читал роман, мне эта мысль казалась крайне жестокой (“вся Россия жила веками ради тысячи интеллектуалов?”), высокомерной, нескромной и даже не до конца понятной.

Слова А. И. Герцена «Я не жалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтоб сделать возможным Гете, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина» (Герцен, 1956: 56) меня ужаснули и унизили: так кто же и что же такое в таком случае я и сотни миллионов мне подобных? Зачем мы в этом «лучшем из миров»? Чтоб унавозить «почву» общества, на которой должны взойти и расцвести пока еще неведомые гении?

Тогда я думал: «Нет, уж это слишком; конечно — гипербола, литературный прием, понадобившийся великим, чтобы до космических высот поднять себя в собственных глазах и народном сознании». Сейчас думаю, что в сути своей они правы.

«Человек некультурный» — это дикарь. Племя дикарей представляет собой некое сообщество, ни на какую творческую деятельность, однако, не способное: в его массе нет одаренных, талантливых особей, для появления которых необходимы огромная масса и длительная история моногамических семей, если племя уже доросло до родовой стадии развития.

Вероятно, у читателя возник вопрос: «К чему эти странные рассуждения, когда речь идет о классике русской литературы, о котором сказано — великий? Точка».

Но, изучая феномен Бунина, я временами поражался некоторым странностям его ума, характера и мировоззрения, которые не могли не отразиться на творчестве, особенно там, где он касался социальных тем. Вероятней всего, как и многие читатели в подобных случаях, я имею право сказать себе: «Да мало ли необычного, эксцентричного в личностях и поведении А. Толстого, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, И. Тургенева и других «замечательных людей»? Главное — это их творения, которыми они одарили человечество. Все остальное — шелуха. Может, и правда...»

Но — хочется знать и про эту «шелуху»...

И тут в мои руки попала книга «Гениальность: Божий дар или наказание?» (Гениальность ... , 2006). Во вступлении к этой книге известный писатель и академик Российской академии образования Альберт Лиханов пишет: «На многих гениев нас

с детских пор приучили смотреть как на белоснежно чистых героев, не подвергаемых сомнению» (там же: 8).

А я, между прочим, ни на кого, в том числе на гениев, никогда так не смотрел и не смотрю. Гений, как ни крути, всего лишь человек. Да, необыкновенный, но — человек. А значит, грешен. Не мне его осуждать. Но коль «великий», то тем более надо знать хотя бы о том, как на свет появился, ну и еще кое о чем, что оставляют обычно за скобками своих автобиографий «замечательные люди» и исследователи их творчества и жизненного пути.

Именно так смотрел на гениальных людей, изучая в 1920–1930-е годы родословную великих людей, доктор-психолог Григорий Владимирович Сегалин. Под его руководством группой ученых на стыке генетики, психологии, психиатрии и других отраслей знаний был создан «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)», который и составляет содержание названной мною книги.

Необходимо сразу отметить, что практически все описания заболеваний отцов, матерей, родственников и самих «замечательных людей» за редчайшим исключением взяты из историй болезней клиник и больниц; сопровождаются свидетельствами близких и дальних родственников, друзей, а то и специальных книг, аналогичных монографий профессора-психиатра В. Ф. Чижа, исследовавшего болезнь Н. В. Гоголя.

Приведу лишь несколько тезисов теории эвропатологии Г. В. Сегалина, которые не претендуют на полную ее завершенность, тем более на абсолютную истину, но будоражат мысль и определяют вектор ее движения.

По Сегалину, источник гениальности — в человеческой аномалии. Можно достичь хороших результатов, «стерилизуя» людей от плохой наследственности. Зато «не будет ни одного великого или замечательного человека, ибо генез великого человека связан органически с патологией, понимая патологию не как болезнь, а как биологический фактор, который является одним из сопутствующих биологических рычагов генетики и в создании природой великих людей» (там же: 9. Здесь и далее в цитатах выделено полужирным шрифтом мною. — *И. И.*).

Ошибка почти всех психиатров, утверждает Сегалин, состоит в том, что между патологией обыкновенных людей и патологией гениальных они ставят знак равенства.

«Тут допускается такой силлогизм, — пишет он, — все болезненное, патологическое, как вредное для здоровья человека, есть явление дегенеративное. Великие люди одержимы патологией, следовательно, великие люди принадлежат к дегенеративным явлениям — вот та фальшивая логика, на которой строятся все недоразумения вопроса» (там же).

И дальше: «...патология великих людей есть <...> патология не отрицательная, а положительная в том смысле, как мы эту патологию наблюдаем в женских родах <...> где патология не есть просто «болезнь», а служит «творческими болевыми схватками», дающими величайшие плоды биологической продуктивности, — гениальные произведения. <...>

Если мы будем изучать феноменологию тех людей, которым мы даем название «великий», «замечательный», «гениальный», и спросим себя, чем они отличаются от всех других людей, то объективные исследования всегда покажут нам, что в этой

феноменологии мы всегда можем констатировать этот своеобразный симбиоз симптомов: с одной стороны, симптомы необычайной продуктивности, с другой стороны, симптомы психической аномальности (в какой угодно форме). Этот симбиоз симптомов одаренности с патологическими проходит красной нитью по всей феноменологии... великих или замечательных людей...» (там же).

Сегалин утверждает: великие люди являются в таких семейных обстоятельствах, где ближайшие предки или родственники по отцу или по матери — личности психопатического склада (если не просто душевнобольные). Но для него это не отрицательный, а положительный фактор.

Еще один — уже исследовательский посыл.

Наследственная психическая отягченность делит патопсихические состояния на две группы: 1) психотиков — людей, одержимых явными душевными заболеваниями уже чисто клинического типа, и 2) препсихотиков (грубо говоря — еще не больные, но уже не нормальные).

Ученые провели свои исследования (при этом анализировались только литераторы), сравнили проценты отягченности и вывели поразительный ряд, по которому у здоровых людей психиатрическая отягченность составила 60%, у душевнобольных — 70%, а у великих — абсолютные 100%. То есть ни один великий художник не был свободен от наследственной психиатрической отягченности.

Но для Сегалина, повторим, это означает положительный момент в биологии великого человека.

Еще одно важнейшее условие: гениальная одаренность возникает тогда, когда скрещиваются две линии — ряд предков, где есть нарастающее накопление одаренности, и линия предков, которая является носителем наследственного психотизма или психической ненормальности.

Первую линию Сегалин означил именем кумулятивной, вторую — диссоциативной. Пересекаясь, эти линии приводят в действие биогенетический закон гениальности (там же: 10).

Наконец, последнее. Как же действует механизм? Ведь само по себе пересечение двух наследственных линий — это как бы только наступление момента «X». Важно заметить противоречие, заложенное в качествах скрещивающихся ветвей: замечательная биологическая продуктивность гения как бы фатально связана с тем началом биологии, задача которого — как будто уничтожение, отрицание этой же продуктивности.

Есть ли в этом противоречии смысл? И каков он?

Теоретическая основа ответа на этот вопрос — менделизм, по которому все задатки любого организма делятся на две группы.

Первая: задатки находятся в скрытом состоянии, не проявляются наружу, потому что другая группа задатков, которая как раз наружу выявляется, подавляет или тормозит задатки первой группы. Задатки этой, первой, группы остаются в состоянии гипостаза, иначе говоря, в скрытом состоянии. Задатки второй группы характеризуются как состояние эпистаза. Обе группы задатков противостоят друг другу, исключают друг друга, антагонистичны.

Но стоит каким-нибудь способом устранить господство эпистатических задатков, как начинают выявляться наружу задатки гипостатические. Скрытое становится явным.

К примеру, «отец Н. В. Гоголя (**Василий Афанасьевич Гоголь**) был, по словам Данилевского, человек в высшей степени интересный, бесподобный рассказчик и обладал несомненным эстетическим чутьем и литературным талантом, писал стихи, ему принадлежит авторство 2 комедий, которые сын его высоко ценил и о которых критика того времени отзывалась, что он из родного быта интересно и умно почерпнул элементы своей комедии» (там же: 56).

«**Мать Гоголя** по всем данным была **душевнобольная**. Это подтверждает и товарищ Гоголя, близко ее знавший (Данилевский), а также Трахимовский (“Русская старина”, 1888 г., июль), знавший также близко семью Гоголя. Он говорит: “Мария Ивановна Гоголь была крайне впечатлительна и подозрительна, бывали дни, недели, целые месяцы, когда впечатлительность М. И. Гоголь доходила до крайних пределов, достигала почти болезненного состояния”. <...> ее подозрительность принимала подчас характер бредовых идей» (там же).

Известно также, что **мать Гоголя приписывала сыну весь технический прогресс, изобретения телеграфа, железных дорог и проч.**, и не было никакой возможности разубедить ее в этом. Наконец, **сам Гоголь считал ее также душевнобольной**. Он пишет сестре своей Анне Васильевне (12 апреля 1839 г. из Рима) «Слава богу, наша маленька физически здорова, я разумел душевную, умственную болезнь, о ней была речь» (Гиппиус, 1999: 174). Психиатр, профессор Чиж, имя которого уже упоминалось, также считал мать Гоголя ненормальной. Таким образом, по материнской линии мы видим в лице матери Гоголя психопатический компонент.

От скрещения этой линии материнской с отцовской происходит писатель **Н. В. Гоголь**, который, как известно, **сам страдал психически** (Гениальность ... , 2006: 57).

Отцовская линия Гоголя из поколения в поколение **генерировала скрытые задатки** литературной одаренности. Но взорвалась в Николае Васильевиче.

Что произошло? Преодоление эпистаза гипостазом. Тормоза гипостаза отказали, **и мы узнали гения**.

Доктор Сегалин утверждает, что это «равновесие» было нарушено тем, что отцовская линия Гоголя, незаметно накапливавшая одаренность, **скрестилась с материнской линией, отмеченной психотизмом**.

В результате накопленная «кумулятивная» энергия отцовской линии «открылась», стала активной, явной, движущейся. **«Явился гений Гоголя»** (там же: 11).

В качестве доказательства доктор приводит данные психиатрической практики. Человек, будучи психически здоровым, был обыкновенным дилетантом, «пачкал» холсты, рисовал бездарные вещицы. Потом случилось несчастье — он заболел прогрессирующим параличом. Наступает так называемый **маниакальный период** болезни, который протекает с необыкновенно быстрым и стихийным разрядом психической энергии. Эпистатический аппарат разрушается, тормоза отказывают, гипостатически скрытая энергия одаренности начинает творить чудеса. Спрятанный талант распрямляется, точно пружина, больной человек выдает шедевр за шедевром, пока вся гипостатическая энергия не истощается, и психика не разрушается окончательно...

Такова судьба Ван Гога.

И еще одно: скрытой гипостатической реакцией одаренности **владеют все без исключения люди**. Творчество душевнобольных людей есть не что иное, как результат такой гипостатической реакции (там же).

* * *

Теперь попробуем хотя бы эскизно набросать биографию И. А. Бунина в контексте теории европатологии Г. В. Сегалина. Первое серьезное затруднение, с которым сталкиваемся, — отсутствие в наших руках как историй болезней по линии рода отца и рода матери Бунина, так и их сына — самого писателя.

Однако в нашем распоряжении находится немало объективных фактов и весьма достоверных свидетельств его родных и близких, друзей о характере и психике И. А. Бунина, его собственные признания, зафиксированные в письмах и дневниковых записях этого «замечательного» человека.

По линии отца

И. А. Бунин пишет: «**Прадед мой по отцу был богат. У деда была земля в Орловской губернии (в Елецком уезде), в Тамбовской и Воронежской, но, кажется, по-немногу. Деда братья его обделили. Он был не совсем нормальный, “тронувшийся” человек**» (Автобиографическая заметка ... : Электронный ресурс).

«**Отец [Алексей Николаевич Бунин. — И. И.] человек необыкновенно сильный и здоровый физически, был до самого конца своей долгой жизни и духом почти столь же здоров и бодр. Уныние овладевало им в самых тяжелых положениях на минуту, гнев — он был очень вспыльчив — и того меньше. До тридцати лет, до похода в Крым, он не знал вкуса вина. Затем стал пить и пил временами ужасно, хотя не имел, кажется, ни одной типической черты алкоголика, совсем не пил иногда по несколько лет (я рожден как раз в один из таких светлых промежутков) и не соединял с этой страстью никаких других дурных страстей. Учился он недолго (в Орловской гимназии), ученья терпеть не мог, но читал все, что попадало под руку, с большой охотой. Ум его, живой и образный, — он и говорил всегда удивительно энергическим и картинным языком, — не переносил логики, характер — порывистый, решительный, открытый и великодушный — преград. Все его существо было столь естественно и наивно пропитано ощущениями своего барского происхождения, что я не представляю себе круга, в котором он смутился бы. <...> отец все отлучался [из Воронежа. — И. И.] в тамбовское имение, пропадал на охоте, жил не по средствам» (там же).**

«Алексей Николаевич... был вспыльчивый, азартный, более всего любящий охоту и пение под гитару старинных романсов. В конце концов, он, из-за пристрастия к вину и картам, растратил не только собственное наследство, но и состояние жены» (Родители Ивана Бунина: Электронный ресурс).

И. А. Бунин говорит: «Наследство осталось от него [от деда. — И. И.] не божество какое, отец же и того не пощадил. Беспечен и расточителен он был необыкновенно. А Крымская кампания, в которой он участвовал «охотником», как тогда выражались, и переезд в семидесятом году в Воронеж для воспитания детей, моих старших братьев Юлия и Евгения, способствовали нашему разорению особенно. В Воронеже-то и родился я. Там прошли первые три года моей жизни. (Очень слабо, но все-таки помню кое-что из того времени). Но расти в городе мне не пришлось. Страсть к клубу, к вину и картам заставила отца через три с половиной года возвратиться в Елецкий уезд, где он поселился на своем хуторе Бутырки. Тут, в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло все мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной (Автобиографическая заметка ... : Электронный ресурс).

Вера Николаевна Муромцева-Бунина в своей книге «Жизнь Бунина. 1870–1906» (1958), рассказывая о жизни в Бутырках, пишет об Алексее Николаевиче: «...к несчастью, опять начал пить. Пил в одиночестве, иногда по четверти [более трех литров. — *И. И.*] водки в сутки...» (Бунин ... : Электронный ресурс).

«Неизменная бодрость отца и вообще **некоторые его черты**, — говорит И. А. Бунин, — **стали действовать на меня, в противовес ее [матери. — *И. И.*] влиянию, и сказываться во мне наследственно лишь позднее.** Редко, повторяю, и бывал он с нами. А «дворян» наша невелика была, с соседями и родственниками мы в ту пору виделись мало, сверстников я не имел, — сестра Маша была еще совсем ребенок, — игрушек, развлечений и склонности к ним — тоже, впечатлителен был чрезвычайно. **Все, помню, действовало на меня** — новое лицо, какое-нибудь событие, песня в поле, рассказ странника, таинственные ложины за хутором, легенда о каком-то беглом солдате, едва живом от страха и голода и скрывавшемся в наших хлебах, ворон, все прилетавший к нам на ограду и поразивший мое воображение особенно тем, что жил он, как сказала мне мать, еще, может, при Иване Грозном, предвечернее солнце в тех комнатах, что глядели за вишневым садом на запад... Мать и дворовые любили рассказывать, — от них я много наслушался и песен, и рассказов, слышал, между прочим, "Аленький цветочек", "О трех старцах", — то, что потом читал. Им же я обязан и первыми познаниями в языке — нашем богатейшем языке, в котором, благодаря географическим и историческим условиям, слилось и претворилось столько наречий и говоров чуть не со всех концов Руси» (Автобиографическая заметка ... : Электронный ресурс).

И. А. Бунин сообщает: «Род этот дал замечательную женщину начала прошлого века, поэтессу **А. П. Бунину**, и поэта **В. А. Жуковского** (незаконного сына А. И. Бунина); в некотором родстве мы с **бр<атьями> Киреевскими**, Гротами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Соймоновыми; о начале нашем в "Гербовнике дворянских родов" сказано, между прочим, следующее: "Род Буниных происходит от Симеона Бунковского, мужа знатного, выехавшего в XV в. из Польши к великому князю Василию Васильевичу. Правнук его Александр Лаврентьев сын Бунин служил по Владимиру и убит под Казанью. Стольник Козьма Леонтьев Бунин жалован за службу и храбрость на поместья грамотой. Равным образом и другие многие Бунины служили воеводами и в иных чинах и владели деревнями. Все сие доказывается бумагами Воронежского дворянского депутатского собрания о внесении рода Буниных в родословную книгу в VI часть, в число древнего дворянства..."» (там же).

По линии матери

Мать Ивана Бунина Людмила Александровна (урожденная Чубарова) происходила из дворянского рода Чубаровых, утратившего княжеский титул, по семейному преданию, при Петре I, который казнил стрельца, полковника князя Чубарова, бывшего сторонником царевны Софьи. Людмила Александровна была **полной противоположностью мужу: кроткой, нежной и чувствительной натурой, воспитанной на лирике Пушкина и Жуковского** (Ваш Бунин ... , 2010: 509).

«Она являлась дальней родственницей Алексею Николаевичу, и в ней текла бунинская кровь. Мать ее была в девичестве Бунина, дочь Ивана Петровича. Людмила Александровна была культурнее мужа, очень любила поэзию, по-старинному

нараспев читала Пушкина, Жуковского и других поэтов. Ее грустная поэтическая душа была глубоко религиозной, а все интересы ее сосредоточивались на семье, главное, на детях.

<...> Мать имела характер **меланхолический**. Она подолгу молилась перед своими темными большими иконами, ночью **простаивала часами на коленях, часто плакала, грустила**. Все это отражалось на впечатлительном мальчике.

А тревожиться и горевать у нее уже были основательные причины: долги все росли, дохода с хутора было мало, а семья увеличивалась — было уже пять человек детей» (Бунин ... : Электронный ресурс).

И. А. Бунин пишет: «Род (тоже древнедворянский) Чубаровых мне почти неведом. Знаю только, что Чубаровы — дворяне Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерний и что были у деда и у отца матери имения в Орловском и Трубчевском уездах. Да и сами Чубаровы знали о себе, вероятно, не больше: с полным пренебрежением к сохранению свидетельств о родовых связях жили наши дворяне. <...> **Мать ни в чем не походила на него** [на отца. — *И. И.*], кроме разве доброты и здоровья, в силу которого она прожила тоже долго, несмотря на все горести своей жизни, на астму, изнурявшую ее в течение последних двадцати лет, и на тяжкий пост, который она, по своей горячей религиозности, возложила на себя и с редкой стойкостью переносила лет двадцать пять, вплоть до самой кончины. **Отец ее тоже пил, но по-иному, культурнее, если можно так выразиться**; послужив в военной службе, побывав за границей, пожив в Варшаве, он вообще выделялся среди помещиков, и воспитана была Людмила Александровна тоньше, чем Алексей Николаевич. **Характер у нее был нежный**, — что не исключало большой твердости при некоторых обстоятельствах, — самоотверженный, склонный к **грустным предчувствиям, к слезам и печали**. Преданность ее семье, детям, которых у нее было девять человек и из которых она пятерых потеряла, была изумительна, разлука с ними — невыносима» (Автобиографическая заметка ... : Электронный ресурс).

Плод матери и отца: Иван Алексеевич Бунин

«Людмила Александровна всегда говорила мне, — вспоминала В. Н. Муромцева-Булгина, — что «Ваня с самого рождения отличался от остальных детей», что она всегда знала, что он будет «**особенный**», «ни у кого нет такой **тонкой души**, как у него» и «никто меня так не любит, как он...»» (Ваш Бунин ... , 2010: 509).

«Мать все время проводила с Ваней, все больше привязываясь к нему, избаловала его донельзя, — отмечала В. Н. Муромцева-Булгина. — <...> Маленький Ваня рос окруженный лаской и любовью. **Но в душе его жила грусть**. <...> С очень раннего возраста обнаружили в мальчике **две противоположные стороны натуры**: подвижность, **веселость**, художественное восприятие жизни, — он рано стал переразвивать, чаще изображая комические черты человека, — **и грусть**, задумчивость, сильная впечатлительность, страх темноты в комнате, в риге, где, по рассказам няньки, водилась нечистая сила, несмотря на облезлую иконку, висящую в восточном углу. **И эта двойственность**, с годами изменяясь, до самой смерти оставалась в нем. Все, кто соприкасался с ним, хорошо знали его первые свойства, но очень немногие, только близкие по духу, знали о его **других чертах**.

Эта двойственность зависела от резко противоположных характеров родителей» (Бунин ... : Электронный ресурс).

На мой взгляд, Вера Николаевна дала очень точные определения характера И. А. Бунина, что, в общем-то, неудивительно: долгие годы она была его женой. Особенно ценными кажутся мне замечания, во-первых, о том, что двойственность психики Бунина происходила из **резко противоположных характеров его отца и матери**, во-вторых, что от окружавших его людей он не скрывал лучшие черты своей природы и **прятал те, которые не украшали его**. Какие? Это отдельный разговор.

Главное — в другом. Очевидно, что **накопление литературного дара происходило от поколения к поколению рода Буниных**. И даже такие пороки Алексея Николаевича, как непомерное пьянство, азартность и пристрастие к карточной игре, не могли погасить этот процесс.

В то же время **меланхолический характер**¹, грустную религиозно-поэтическую душу матери Бунина, ее **повышенную чувствительность и впечатлительность** психиатры могли бы не квалифицировать как патологию, и потому мы не имеем права на какие-либо серьезные заключения. Можем только предполагать, что соединение двух названных родовых линий в лице Алексея Николаевича Бунина и Людмилы Александровны Чубаровой, в которой, как уже говорилось, **ко всему прочему текла еще и бунинская кровь**, кровосмешение могло привести к появлению личности такого **психопатического склада, какая явилась миру под именем Бунин Иван Алексеевич**. Во всяком случае, существует немало фактов и признаний самого Бунина, свидетельствующих о его серьезной психической отягченности, душевном расстройстве.

Вот запись из дневника, который И. А. Бунин вел вместе с Верой Николаевной: «9.3.41. Воскр. <...> **Три раза в жизни был я тяжело болен по 2, по 3 года подряд, душевно, умственно и нервно**. В молодые годы оттого так плохо и писал. А нищета, а бесприютность почти всю жизнь! А несчастные жизни отца, матери, сестры! Вообще, чего только я не пережил! Революция, война, опять революция, опять война — и все с неслыханными зверствами, несказанными низостями, чудовищной ложью и т. д.! И вот старость — и опять нищета и страшное одиночество — и что впереди!» (Бунин, Бунина, 2005: 309).

Вдумаемся в смысл первых двух строчек: «тяжело болен», «три раза», «по 2, по 3 года подряд», «душевно, умственно и нервно»!² Бунин пишет эти слова, когда ему 71 год.

«Молодые годы» — это какие? Это не 20, а 30, а то и 40 лет? С юных лет Бунин очень боялся старости, заметки об этом частенько встречаются в его дневниковых записях и письмах. 23 апреля 1942 г. он пишет: «Страшный день. Мне 72!» (там же: 355). Но он писал каждый день и всю жизнь.

25 ноября 1909 г. в письме Горькому жаловался: «Стареть и слабеть начинаю — недавно даже потерял сознание, едуци в конке, — от слабости» (Бунин, 2007: 135). В письме М. Ф. Андреевой и А. М. Горькому 10 августа 1910 г. Бунин утверждал: «В Москве я писал часов пятнадцать в сутки, боясь оторваться даже на минуту, боясь, что вдруг потухнет во мне электрическая лампочка и сразу возьмет надо мной полную силу тоска, которой я не давал ходу только работой. А потом это напряжение привело меня к **смертельной усталости и сердечным припадкам до ледяного пота**, почти до потери сознания» (там же: 148).

«Опять я чувствовал себя усталым, шальным, опять пил не в меру...» (А. М. Горькому, 15 июля 1910 г.) (там же: 144).

А ведь именно в 1909 г., будучи «молодым» (39–40 лет), Бунин «выдумывал» первую часть «Деревни», а в 2010 г. — вторую...

Можно подумать, работал целый год, «выдумывая» один за другим 90 персонажей с «типично русским характером». Но если верить Г. Н. Кузнецовой, все было совсем не так. Вот отрывок записи разговора Г. Н. Кузнецовой с Буниным 10 декабря 1929 г.: «...спросила, как И. А. писал "Деревню", с чего началось.

— Да так... захотелось написать одного лавочника, был такой, жил у большой дороги. Но по лени хотел написать сначала ряд портретов: его, разных мужиков, баб. А потом как-то так само собой вышло, что сел и написал **первую часть в 4 дня. И на год бросил.**

— А вторая часть?

— А это было уже через год. Простились мы с матерью — она была очень плоха, **я был убит**, и поехали мы в Москву почему-то в июне. Получались известия от брата, все более тяжелые. **Я сел писать. И тут и получил известие о ее смерти.** Ну, писал две недели и дописал...» (Кузнецова, 1995: 36).

Но это не значит, что Бунин на год перестал работать вообще (Бабореко, 1960: 565–635).

29 апреля 1942 г. Бунин снова пишет: «Очень тяжкая погода. **И я тяжело, очень тяжело болен душевно — до отчаяния.** Дикое одиночество, бесцельность существования...» (там же; здесь полужирным шрифтом выделено в источнике. — *И. И.*).

Но это — старость и неизбежность скорой смерти, которых Бунин панически боялся вместе и по отдельности. Тут есть место для отчаяния.

А молодость? Неустойчивость его психики и в молодые годы была несомненной: **он трижды помышлял о самоубийстве.**

14 мая 1892 г. в Ельце 22-летний Бунин просит отца своей возлюбленной Варвары Пащенко разрешить ему жениться на его дочери, но получает от него отказ. **Приходят мысли о самоубийстве** (Ваш Бунин ... , 2010: 515).

Не вынеся скудной совместной жизни с Буниным, прерываемой разговорами и ссорами, В. В. Пащенко решает окончательно расстаться с ним. Воспользовавшись тем, что все мужчины ушли в церковь на присягу, она поспешно покидает Полтаву, оставив Бунину записку: «Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом...» **Два месяца — ноябрь и декабрь 1894 г. Бунин находится на грани самоубийства**, безуспешно пытается разыскать В. В. Пащенко в Ельце. Братья Юлий и Евгений увозят его в Огневку (там же: 517).

23 сентября 1898 г. Бунин женится на владелице газеты «Южное обозрение» Анне Цакни. Однако через 10 месяцев А. Цакни после долгих колебаний признается Бунину, что не любит его. «Жизнь моя висит на волоске, — писал он своему брату Ю. А. Бунину на следующий день, — и поверь мне, что все горе моей жизни сошло теперь в этом позорном факте. <...> я дошел до того состояния, **когда убивают себя**, — и истерически разрыдался вчера, потому что я почувствовал — я один, я нищий, я убит и мне нет помощи. И тогда она призналась, что не любит меня, со страшными муками. Она и теперь так убита этим, что еле жива, и только твердит: я не виновата. Я лежу почти на смертном одре и **об одном молю Бога — о смерти. И как бы я рад был наложить на себя руки!**» (там же: 520).

И вот еще одна, четвертая запись, в старости, почти за 11 лет до смерти, 24 сентября 1942 г.: «Прошелся в одиннадцат. часу по обычной дороге — к плато Наполе-

он. Моя черная тень впереди. Страшные мысли — вдруг останусь один. Куда деться? Как жить? **Самоубийство?**

Потом стал думать об этой кухарке на постоялом дворе. Все вообразил с страшной живостью. Возбуждение — и до того, что уже почувствовал все, что бывает перед концом. Мурашки, стеснение во всей грудной клетке [...]» (Бунин, Бунина, 2005: 355).

Что это? Столь быстрый эмоциональный перепад тяжелообольного и несчастного семидесятилетнего старика от мыслей о суициде к половому возбуждению и оргазму — это нечто невообразимое. Тут нужен диагноз психиатра, а может, психопатолога.

Кое-что важное для данной темы подмечали его друзья.

4 сентября 1946 г. И. Шмелев писал И. Ильину:

«Получил Вашу книгу-машинопись — "О тьме и просветлении".

<...> Акт "родового инстинкта" в искусстве Бунина... — это Вы, единственный, поставили такой точный, тонко-художественный диагноз! Вот уж, именно: искусство Бунина — все в "комплексах", вытекает из темных недр **очень властного полового инстинкта**, как бы оно ни было закрываемо цветами бытия, вплоть до... "космических"» (цит. по: Классик без ретуши ... , 2010: 953). Он же, И. Шмелев, говорил в письме О. А. Бредиус-Субботиной 5 февраля 1947 г.: «Не мог — органически! — дать ни одного романа, все изроманил сам, на себя. Женщина для него была только "сосудом похотей"» (там же: 954). **Может, страдал эротоманией?**

А. В. Барах говорил: «**Рассказы о чужих успехах у женщин неизменно его будоражили и как-то угнетали.** Он хотел, чтобы его считали донжуаном, и иной раз любил пространно повествовать о своих былых похождениях» (Бахрах, 2005: 185).

В. С. Яновский отмечал, что «Бунин интересовался **сексуальной жизнью Монпарнаса**; в этом смысле он был вполне западным человеком — без содроганий, проповедей и раскаяния» (Яновский, 2000: 314). Находясь в Венеции, он любил за полночь повести в русскую забегаловку «очередную Джульетту и опрокинуть в ее компании рюмку-другую водки с горячим пирожком» (Бахрах, 2005: 22). Однако во всем этом нет ничего необычного.

В характере и натуре Бунина меня весьма смущает его способность (или потребность?) десятилетиями жить под **крышей одного дома с двумя, а потом и с тремя, а в конце — и с четырьмя женщинами: законной женой и двумя (как их назвать?) гражданскими.** При невольном согласии первой — Веры Николаевны. Для меня это факт патологический.

Желающие знать эту историю в подробностях могут почитать «Грасский дневник» Г. Н. Кузнецовой (Кузнецова, 1967) и «Устами Буниных» (Бунин, Бунина, 2005), где тоже много любопытного. Я же сейчас приведу выдержки из дневника «Устами Буниных».

Бунин: 18.10.32. «Лежал в саду на скамье на коленях Г. [Галины], смотрел на вершину дерева в небе — чувство восторга жизни» (Бунин, Бунина, 2005: 225)³.

Вера Николаевна (далее — *В. Н.*): 14.11.32. «Ян не может купить себе теплого белья. Я большей частью хожу в Галиных вещах» (там же: 226).

В. Н.: 20.12.32. «Ян и Галя уехали в Париж» (там же).

31.12.32. «Я научилась в этом году хорошо переносить одиночество, ибо я его не чувствую. [...] Об Яне не скучаю. Лишь беспокоюсь. Буду счастлива, когда они вер-

нутя. Он пишет нежные, но очень короткие письма. Галя же делится с нами почти всем» (там же: 227).

24.01.33. «Наши приехали в четверг 12-го. Оба больные. У Яна насморк, а Галя в страшной слабости» (там же).

19.05.33. «<...> А Ян и без меня прожил бы отлично. <...> Но я ему нужна лишь чем-то одним» (там же: 232).

6.09.33. «Вчера мы — Ян, Галя и я гуляли...» (там же: 235).

6.12.33. «Была в церкви, но католической, а Галя — в двух протестантских» (там же: 243).

21.04.34. «Полтора месяца ни слова. [...] Многое я за этот год поняла. Главное, что никому я, собственно, не нужна, как я, моя душа. <...> Галя тоже стала писать, но еще нервна. [...] У нее переписка с Маргой [Степун], которую мы ждем в конце мая» (там же: 245).

«23/10 апреля. 27 лет моей совместной жизни с Яном» (там же: 245).

«8 июня 1934. <...> Марга у нас третью неделю. Она нравится мне. [...] С Галей у нее **повышенная дружба**. Галя в упоении и **ревниво оберегает** ее ото всех нас» (там же: 246).

«8 июля. <...> Галя как-то не найдет себя. Ссорится с Яном, а он — с ней. Марга у нас, ждет денег» (там же).

«11 июля. <...> **В доме у нас нехорошо**. Галя, того гляди, улетит. Ее обожание Марги какое-то странное. Если бы у Яна была выдержка, то он это время не стал бы с Галей даже разговаривать. А он не может скрыть обиды, удивления...» (там же: 347).

19.06.35. «[...] Завтра приезжает Марга. Бог даст, будем жить хорошо... а я уединюсь и отдохну» (там же: 250).

В том же году 28 декабря Марина Цветаева писала А. Тесковой: «Вы, м. б., знаете, что у Бунина — лет 10 как молодая любовь (приемная дочь? роман? — любовь) — бывшая пражская студентка, Галина Кузнецова. Живет с ними, ездила с ними в Швецию, *ихняя*. Вера стерпела — и приняла. Все ее судят, я — восхищаюсь: *Бунин* без нее, Веры, не может, значит — осталась: поступила, как *мать*».

С Галиной я — вежлива.

С Буниным у нас дружественные отношения, без близости...» (Классик без ретуши, 2010: 943).

В мае 1937 г. В. Набоков пишет В. Набоковой: «Обедал с Буниными. Какой он хам! <...> Иван с ней разговаривает как какой-нибудь хамский самодур... — жуткий, жалкий, мешки под глазами, черепаший шея, **вечно под хмельком**» (там же: 942).

Бунин: «6.VII.35. Grasse. <...> Вчера были в Ницце — я, Роцин, Марга и Г. <...> Без конца длится страшно тяжелое для меня время» (Бунин, Бунина, 2005: 250).

В. Н.: «11 августа [...] «Марга остается до 10 сент., а Галя уезжает в Геттинген в начале октября. Думаю, вернее, уверена, что навсегда. Они **сливают свои жизни**. И до чего они из разных миров, но это залог крепости [...]

Пребывание Гали в нашем доме было от лукавого» [...] (там же).

«24 августа. [...] Каллаш у нас вторую неделю, много смеется. [...] У нас **сейчас курятник — Ян и 4 женщины**. Это первый раз за всю нашу жизнь такое преобладание женщин» (там же: 251).

Бунин: «9.V.36. Grasse. [...] Она [Г. Н. Кузнецова] в Берлине. **Чудовищно провел 2 года! И разорился от этой страшной и гадкой жизни!**» (там же: 253).

«7.VI.36. Grasse. Главное — чувство обиды, подлого оскорбления — и собственного постыдного поведения. Собственно, **уже два года болен душевно — душевно больной!**» (там же: 254).

«16.VIII.36. Иногда страшно ясно сознание: **до чего я пал!** Чуть ни каждый шаг был глупостью, унижением! <...> Опомнись, опомнись!» (там же: 255).

Т. Д. Ратгауз в письме Э. К. Чергинцевой, 3 мая 1938 г.: «Здесь сейчас Бунин. Выступления его совершенно скандальны.

Это эротоман на почве старческого маразма (или от природы, что, впрочем, раньше, по-моему, не было заметно). Решив, что он едет к черту на кулички в какую-то дикую Прибалтику... <...> Читал очень плохо, нечленораздельно и тихо (**по временам выходя за сцену, чтобы «хватить рюмочку» для подкрепления**); в течение еще получаса он читал совершенно неудобоваримые скабрзности и подлости об Айседоре Дункан. <...> Провал получил полный. <...> Вообще же он себя ведет, как знатный гость более высокой расы, и только интересуется тем, хороши ли здесь "девочки". Увидев меня, он начал немного пускать слюну, но я очень скоро смылась — с меня было довольно. Отвратительный грязный старикашка. Вот еще одним разочарованием больше» (Классик без ретуши, 2010: 945–946).

В. Н.: «9 марта 1939 года. [...] Ян третьего дня сказал, что не знает, как переживет, если я умру раньше его. **"Лишить себя жизни?"** Господи, как странна человеческая душа!» (Бунин, Бунина, 2005: 261).

Бунин: «Пятница, 18.IV.40. <...> Как страшно одиноко живу! **И как дико — 3 бабы на плечах!** <...> Что вышло из Г.! Какая тупость, какое бездушие, какая безсм. жизнь!

Вдруг вспомнилось — «бал писателей в январе 27 года, приревновала к Одоевцевой. Как была трогательна, детски прелестна! Возвращались на рассвете, ушла в бальных башмачках *одна* в свой отельчик»» (там же: 274).

«26.2.41. Среда. <...> **Дикая моя жизнь, дикие сожители М(арга), Г(алина) — что-то невообразимое**» (там же: 307).

«24.VI.41. <...> Опять весь день думал и чувствовал: да что же это такое — жизнь. Г. и М. у нас, их злоба к нам, их вечное затворничество у себя! И вот уже третий год так живут!» (там же: 318).

В. Н.: «28.IX.41. Воскр. <...> Жизнью с Яном довольна. Начала бы снова жизнь, прожила бы также. Лучшего спутника в жизни не хотела бы» (там же: 331).

Бунин: «13.3.42. Пятница. <...> Как горько трогательна, тиха, одинока, слаба Вера!» (там же: 344).

«31.03.42. Марга и Г. завтра переезжают в Cannes — «на два месяца», говорят. Ду-маю, что навсегда. **Дико, противоестественно наше сожительство.** [...]» (там же: 345).

«1.IV.42. Среда. В 11–45 ушла с мелкими вещами Г. Возле лавабо остановилась, положила их, согнувшись, на земле. Тут я отошел от окна. Конец. Почти 16 лет тому назад узнал ее...» (там же).

* * *

Когда в Бунине зародилось поэтическое самомнение, неизвестно. Может, в ту пору, когда он, будучи исключенным с четвертого курса Елецкой гимназии, зани-

мался дома со студентом Московского университета Н. О. Ромашковым, познакомившим восьмилетнего Бунина со стихами английских поэтов? Как считает Бунин, именно тогда в нем пробудилась страсть к стихотворству, «плодом чего явилось несколько младенческих виршей» (Ваш Бунин, 2010: 510). А может, Бунин резко, в момент возгордился, почувствовал себя великим, когда вышла из печати в его переводе с английского «Песнь о Гайавате», «наделавшая много шума», как писал его знакомый из Одессы? На русском «Гайавата» выглядит превосходно. Только правда ли, что это перевод Бунина? Он пишет, что выучил английский самостоятельно. Я изучал этот язык — не самостоятельно, в течение трех лет в Дипломатической академии МИД СССР, с преподавателями, в лингафонном кабинете. Сдал экзамены на «отлично», читал лекции в Университете г. Упсала (Швеция). «Бунин же, лишь пассивно знавший английский и плохо говоривший по-французски... был лингвистически беспомощен» (Классик без ретуши, 2010: 737).

В феврале 1925 г. Бунин посетил Лондон. «Во время банкета, опасаясь за свой английский, Бунин наотрез отказался произнести даже небольшой спич» (там же: 745). Между тем с той поры, когда вышла в свет «Гайавата», прошел уже 31 год, и уже пять лет Бунин жил в эмиграции, побуждавшей к изучению иностранных языков. Так что же такое «Гайавата»: отличный перевод на русский с отличного английского, который надо знать превосходно? Или прекрасное поэтическое «сочинение на заданную тему»? Загадка.

В лондонской «Таймс» (Graham, 1925a: 17) упоминается забавный эпизод. Когда Грэхам встретился с Буниным в Париже, того осаждал американец (очевидно, из издательских или журналистских кругов) и пытался выяснить, есть ли у него какой-нибудь сенсационный материал, который можно было бы опубликовать в Нью-Йорке. «Но Бунин, хотя вполне благоразумно желал увидеть как можно больше своих произведений на английском, деликатно напомнил ему, что пишет для немногих. **“Вы никогда не увидите, что кто-нибудь читает мои книги в вагонах поездов”,** — сказал он» (Graham, 1925b: 544). В соответствии с бунинскими словами Стивен Грэм указывал, что и в России Бунин **«никогда не был популярным, но добился уважения собратьев по ремеслу. Он писатель для писателей»** (там же).

Между тем у Бунина в эмиграции существовала внушительная «группа поддержки», состоявшая главным образом из литераторов «старшего поколения»: Марка Алданова, Кирилла Зайцева, Николая Кульмана, Петра Бицилли, Тэффи, Федора Степуна. В то время как советская пропаганда из политических соображений вела тактику замалчивания Бунина, эмигрантское сообщество превозносило его до небес. В литературном мире русского зарубежья Бунин еще до получения Нобелевской премии стал «священной коровой». По выражению Александра Бахраха, в статьях о нем критикам только и оставалось, что «излучать слащавую водичку трафаретных похвал». Он же говорил: «Все мы любим и уважаем И. А. Бунина. Почти каждая строка его вправе стать достоянием хрестоматии. Если бы присуждение литературной короны зависело от нашего голосования, нет сомнения, мы давно бы получили уже с золотым обрезом приглашения на его коронацию. Но читать о нем стало невозможным. Еще труднее писать. Превосходные степени всех хвалебных эпитетов, приложенные к любому из его произведений, потеряли в своем весе, обеднели, перестали уже что-либо значить, стерлись от слишком частого употребления» (Бахрах, 1928: 3).

«Сложившейся субординации вольно или невольно подчинились самые влиятельные критики русского Парижа, представлявшие “среднее поколение”, Владислав Ходасевич и Георгий Адамович далеко не всегда были в восторге от писаний Бунина: они не воспринимали его всерьез как поэта, но в печатных откликах почти всегда “наступали на горло собственной песне”. Более того, с ней смирились и бунинские недоброжелатели, вроде Ивана Шмелева и Зинаиды Гиппиус, которым только и оставалось, что изливать желчь в письмах наиболее доверенным корреспондентам» (Классик без ретуши, 2010: 11–12).

В эмигрантских кругах уверенно говорили о том, что Бунин «давно стал классиком», что он не меньше, а быть может, крупнее писатель, чем Тургенев» (там же: 571). Сравнивали, хоть и не до конца откровенно, с Пушкиным: «Бунин, при всех его индивидуальных отличиях от Пушкина, — писатель того же склада. <...> Если бы не бояться громких слов, следовало бы назвать его (Бунина. — *И. И.*) художником “космическим”» (там же: 551).

Бунин считал, что он последний русский классик, что с ним умрет настоящий русский язык, и потому бесцеремонно очернял русский национальный характер, выдавая не лучшие черты части русских людей за типичные качества всего русского народа. Он низвергал с пьедестала поэтов и писателей, у которых учился писать, которые в табели о литературных рангах стояли и стоят поныне в национальном сознании выше его.

В свое время Бунин говорил: «Проза Лермонтова и Пушкина остались не превзойдены» (Бабореко, 1960: 246). Заметим, однако, на первое место Бунин ставит Лермонтова, а Пушкина — за ним. В другом случае Бунин отмечает: «...никогда никому не подражал. Никогда во мне не было восхищенья ни перед кем, кроме только Толстого» (там же).

Тут Бунин либо лукавит, либо забыл, о чем говорил в «Автобиографической заметке»: «Писал я в отрочестве сперва легко, так как подражал то одному, то другому — больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину, которому подражал даже в почерке...» (Ваш Бунин, 2010: 511). Бунин считал, что именно на нем, на Бунине, кончается классическая литература. «Он часто говорит с печалью и некоторой гордостью, что с ним умрет настоящий русский язык — его остроумие (народный язык), яркость, соль» (Кузнецова, 1995: 33).

Бунин любил лести, это было хорошо известно его современникам, как друзьям, так и противникам. Бунин признавался И. В. Одоевцевой: «Люблю лесть. Даже самую грубую, неприкрытую... Но тонкая лесть, конечно, еще приятнее» (Одоевцева, 1989: 287). Говорил В. С. Яновскому уже после получения Нобелевской премии: «Даже теперь еще... как только увижу свое имя в печати, и вот тут, — он поскреб пядью у себя в области сердца, — вот тут чувство, похожее на оргазм!» (Яновский, 2000: 197).

«Хвалите, пожалуйста, хвалите!» — писал он своим друзьям (см. Письмо Бунина М. Алданову от 23 августа 1947 г. Цит. по: Переписка ..., 1983: 181). И друзья хвалили.

Бунин был крайне честолюбив, любил славу и почет. К тому же «его нервная система была совершенно расшатана... Да, он был очень нервен...» (Одоевцева, 1989: 235–236). Она же, Одоевцева, знавшая Бунина близко, говорила о его «надменном лице», «холодном, самоуверенном спокойствии» (там же: 229).

Бунин ставил себя, как писателя и поэта, чрезвычайно высоко, выше всех, даже уже признанных классиков того времени. Он говорил А. В. Бахраху: «Гоголь, конечно, гениальный писатель. Смешно это отрицать, но разрешите мне его не очень любить... Да и Антон Павлович... несмотря на весь свой вкус, сел в калошу» (Бахрах, 2005: 107–108).

Г. Кузнецова пишет: «На днях вечером сидели в кабинете И. А., и разговор зашел о Достоевском. И. А., который взялся перечитывать “Бесов”, сказал:

— Ну, вот и опять в который раз решился перечитать, подошел с полной готовностью в душе: ну, как же, мол, это, весь свет восхищается, а я чего-то очевидно не доглядел... Ну, вот дошел до половины, и опять то же самое! Чувствую, что меня дурачат, считают дураком... И нисколько не трогают! Бесконечные разговоры и каждую минуту “все в ожидании” и все между собой знакомы и вечно все собираются в одном месте и вечно одна и та же героиня... И это уже двести страниц, а никаких “бесов” нет... Нет, плохо! Раздражает!

— Что же ты хочешь сказать? — спросила В. Н. [Вера Николаевна].

— Хочу сказать, что, очевидно, ошибаюсь не я, а «мир», что мы имеем дело со случаем **всеобщего массового гипноза**. Но не только не смеют сказать, что король голый, но даже и себе не смеют сознаться в этом.

— Что же, вы хотите сказать, что **Достоевский плохой писатель**? — закричал З.

— Да, я хочу сказать, что Достоевский плохой писатель. И вы лучше послушайте меня. Я в этом деле кое-что понимаю...» (Кузнецова, 1995: 36).

30 апреля 1940 г. Бунин записал в дневнике: «Не знаю, кого больше ненавижу как человека — Гоголя или Достоевского» (Бунин, Бунина, 2005: 277).

Мало того! Даже Лермонтов, которому, по собственному признанию, подражал в юности даже больше, чем Пушкину, в конце концов тоже оказался в глазах «последнего русского классика» фигурой малозначительной. 10 августа 1944 г. Бунин пометил в дневнике: «Вчера перечитывал (давно не читал) “Вост. повести” Лермонтова: “Измаил Бей”, “Ангел смерти” и т. д. Соверш. детский, убогий вздор, но с замечательными проблесками...» (там же: 374.)

Г. Н. Кузнецова пишет: «Вечером сидим в кабинете у И. А.

— Бывает с вами, И. А. — говорю я, — чтобы вы ловили себя на том, что невольно повторяете чей-нибудь жест, интонацию, словечко?

— Нет, никогда. Это, заметьте, бывает с очень многими. Сам Толстой признавался, что с ним бывали такие подражания. Но вот я, сколько себя помню, никогда никому не подражал. Никогда во мне не было восхищенья ни перед кем, кроме только Толстого <...> **У всех самых больших писателей есть только хорошие места, а между ними — вода**» (10.09.1929) (Кузнецова, 1995: 32–33).

За глаза Бунин ехидничал и над Горьким, который, как и Чехов, помогал молодым литераторам набрать творческий вес, в то время как Бунин так раздраковывал произведения новичков, что они вылетали из комнаты после разговора с ним, выпучив глаза и едва дыша...

На широкий писательский и поэтический мир России Бунин смотрел свысока, даже презрительно. Бунин не любил Блока и Белого, был полностью равнодушен к стихам Ахматовой, отталкивающе относился к Цветаевой, не проявлял интереса к Мандельштаму и Пастернаку. В дореволюционные времена признавал равными себе лишь Горького, Чехова, а Л. Толстого именовал великим из великих (И. А. Бунин ... , 2001: 479).

В свою очередь многие писатели, поэты и литературные критики невысоко оценивали творчество Бунина, более того, отзывались о нем крайне отрицательно. Резкая критика поэзии Бунина звучала из уст Н. Гумилева. Рецензируя вышедший в 1910 г. шестой том собраний сочинений Бунина, он писал: «...стихи Бунина, как и других эпигонов натурализма, надо считать подделками, прежде всего потому, что они скучны, не гипнотизируют. В них все понятно и ничего не прекрасно. Читая стихи Бунина, кажется, что читаешь прозу» (цит. по: там же: 519). А. Ахматова говорила: «Бунин? Я не люблю его стихов, никогда не любила». «Стихи его не стоят внимания» (там же: 518).

Сам «Бунин любил окружать себя теми, кого считал своими учениками и последователями, и часто появлялся в Париже в сопровождении своей свиты. Злые языки прозвали ее «бунинским крепостным балетом» (Одоевцева, 1989: 235).

Н. Н. Берберова, близко знавшая Бунина, писала, что «у Бунина не было чувства людей, у него в сильной степени было чувство себя самого, "почти дикарский эгоцентризм"» (Берберова, 1996: 306).

Эгоцентризм проявлялся у Бунина во многом, но, быть может, особенно — в чувстве его необыкновенности, исключительности.

Он признавался И. В. Одоевцевой, что зрение, слух и обоняние были развиты у него несравненно сильнее, чем у обычных людей. «У меня в молодости было настолько острое зрение, — рассказывал он, — что я видел звезды, видимые другим только через телескоп. И слух поразительный — я слышал за несколько верст колокольчики едущих к нам гостей и определял по звуку, кто именно едет. А обоняние — я знал запах любого цветка и с завязанными глазами мог определить по аромату, красная это или белая роза» (Литературное наследство, 1973а: 253).

Уж больно поразили меня бунинские слова. Суть сказанного Буниным такова. Однажды он был в гостях у какой-то дамы и, когда они вошли в ее сад, Бунин заметил: «О, у Вас в саду и резеда растет!» Дама сказала, что резеду они не высаживали. Бунин настаивал: «Да нет же, в саду есть резеда!» Заспорили. Договорились, что дама уходит в дом готовить чай, а Бунин станет искать резеду. Обшарив весь сад, кусты и клумбы, он (якобы) нашел-таки под каким-то большим листом цветок резеды и, торжествующий, вручил его пораженной даме: «Вот! Я же говорил!»

Признаться, слова И. В. Одоевцевой про необыкновенное зрение, слух и обоняние поразили меня, и я решил проверить, возможно ли то, в чем уверял Бунин: ведь по первому моему образованию я все-таки «технар»...

Итак, о зрении. У «обыкновенных» людей со здоровыми глазами зрение равно единице.

В середине 1609 г., после того как Галилео Галилей узнал, что в Голландии для потребностей мореплавания была изобретена зрительная труба, он занялся экспериментами с линзами. Всего за полгода Галилею удалось существенно усовершенствовать это изобретение, создать на его принципе мощный астрономический инструмент. К январю 1610 г. создал несколько инструментов с увеличением от 20 до 33 раз (Гиндикин, 2001: 69).

«Обыкновенные» люди со зрением «единица» могут видеть невооруженным глазом на звездном небе до 2,5 тыс. звезд, расположенных на расстоянии от 100 до 300 тыс. километров. Далее — только через телескопы. Ибо другие звездные подси-

стемы находятся на расстояниях, которые можно преодолеть на ракетах с перелетом в несколько лет.

Ну, что тут сказать о Бунине? Мифологизирует себя, и только.

Слух. Ухо «обыкновенного» человека улавливает звуковые колебания в диапазоне от 10 герц до 24 000 герц. Собака различает звуки с частотой 35 кГц, кошка — до 70 кГц, а дельфины — до 200 200 кГц (Новая российская энциклопедия, 2015: 341).

Обоняние. У «нормального» человека количество клеток обоняния достигает 10 млн, в то время как у собак — свыше 200 млн (Новая российская энциклопедия, 2013: 210).

К чему Бунину эта мифологизация? Он хочет выглядеть сверхчеловеком? Однако получается все наоборот: он ближе к животным и зверям.

Бунин писал о себе: «...мне все кажется, что я был всегда, во веки веков и всюду. А где грань между моей действительностью и моим воображением, которое есть ведь тоже действительность, тоже жизнь?» (Литературное наследство, 1973b: 386).

Вот грубейшая и страшная ошибка в мировоззрении Бунина, которую совершил он в своем творчестве, уравнивая действительность и воображение, воображение и жизнь!

Воображение — это способность человека фантазировать, мысленно строить образы чего угодно: природы, человека, машины, опасности и т. д. Воображаемая опасность может оказаться реальной, а может остаться только мнимой. Можно вообразить линию, не существующую в действительности. Воображение может «нарисовать» дом, который человеку хотелось бы иметь, но его в действительности нет и не будет. Воображение (мысленно созданный образ) чего угодно всегда таит в себе ошибку, часто трагическую.

Разумеется, без способности воображать, фантазировать невозможно любое творчество, в частности литературное. Бунин был наделен мощной силой воображения и фантазии. Относительно образов персонажей многих своих рассказов Бунин говорил: «Я его выдумал». Многие считают, что в основе романа «Жизнь Арсеньева» — судьба Бунина. Но в то же время широко известны высказывания Бунина: «Вот думают, что история Арсеньева — это моя собственная жизнь. А ведь это не так. Не могу я правды писать. Выдумал я и мою героиню... Влюбился в нее <...> Потом начал видеть ее во сне... А оказывается, ее не было».

Об этом же 11 февраля 1933 г. Г. Кузнецова записала в дневнике: «Вчера после завтрака осталась у И. А. в кабинете, и он мне рассказал свой сон. Он видел во сне Лику, выдуманную им, оживленную и ставшую постепенно существовать».

— Вот доказательство того, как относительно то, что существует и не существует! — говорил он. — Ведь я ее выдумал. Постепенно, постепенно она начинала все больше существовать, и вот сегодня во сне я видел ее, уже старую женщину, но с остатками какой-то былой кокетливости в одежде и испытал к ней все те чувства, которые должны были бы быть у меня к женщине, с которой 40 лет назад в юности у меня была связь. Мы были с ней в каком-то старинном кафе, может быть итальянском, сначала я обращался к ней на вы, а потом перешел на ты. Она сначала немного смущенно улыбалась...» (Кузнецова, 1995: 50).

В чем же заключен трагизм ошибки Бунина в уравнивании воображения с действительностью, с жизнью? Не только в том, что, проснувшись однажды, он обнару-

жил, что выдуманной им любимой женщины не оказалось рядом, в кровати. Беда в другом.

Пока Бунин сочинял лирические стихи и рассказы, писал этюды лесов, полей и облаков, все было отлично. Но когда он взялся за **социальные темы** — выдумал страшную «Деревню», за ней — ужасный «Суходол» и серию убийственных рассказов об идиотизме деревенской жизни с твердой убежденностью, будто многие десятки измышленных им образов «дурновцев», «суходольцев» и прочих персонажей (плоды его воображения) — это **типично русские мужики с типично русскими характерами**, а по сути дела, и вся Россия — огромная деревня вместе со всем ее народом, со всеми ее городами, в том числе Москвой и Петербургом. С этого момента, помимо воли, Бунин начал выступать как социальный писатель, а значит, не имел права отождествлять воображение с реальностью.

Социальный писатель — не фотограф, не рисовальщик с натуры и даже не художник, не только «инженер человеческих душ». Это — одновременно — мыслитель, философ, историк и футуролог, ответственный **перед народом и обществом** за свои осмысленные описания настоящего, прошлого и — самое главное! — будущего. Конечно, можно развернуть дискуссию на тему, что «искусство существует для искусства», «поэты пишут для поэтов», а «писатели — для писателей». Я так не считаю. Выдумывать страшные образы людей, страшного народа и страшной страны способен любой малообразованный журналюга. Серьезный, настоящий писатель, понимающий, что он не знает выхода из обнаруженной им общественной ситуации, оставляет своим героям, а — главное! — читателям хоть малую надежду на какой-то лучший исход, как это делали Чехов в «Мужиках», Лесков — в «Левше», а Салтыков-Щедрин — в «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил». Бунин, увы, был не способен на это. У него главные персонажи его повестей и рассказов либо умирают своей смертью, либо их убивают, либо они, проклиная свою деревню и мужиков, уезжают неведомо куда, хотя сами твердят, как Тихон и Кузьма, что вся Россия — все та же «Деревня» — Дурновка. Но это было большое заблуждение. И надо было подумать Бунину о том, как эта «чернь» и «рабы» разгромили Белую гвардию вместе с Антантой, а потом — одолели всю «цивилизованную» Европу нацистов и фашистов...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Меланхолик (греч. *μελαίνα χολή*, *mélaina chole*, мелэна холе, «черная желчь») — один из четырех типов темперамента в классификации Гиппократ. Человека меланхолического темперамента можно охарактеризовать как легкоранимого, склонного глубоко переживать даже незначительные неудачи, но внешне вяло реагирующего на окружающее. Среди меланхоликов встречаются такие незаурядные личности, как французский философ Рене Декарт, англичанин Чарльз Дарвин, писатель Николай Васильевич Гоголь, польский композитор Фредерик Шопен, русский композитор Петр Ильич Чайковский. Они сумели преодолеть сложности данного темперамента и творчески использовать преимущества: высокую чувствительность нервной системы, тонкую реакцию на малейшие оттенки чувств, глубокие эмоциональные переживания, отличающиеся большой устойчивостью. Аристотель и вовсе утверждал, что все знаменитые и выдающиеся люди были меланхоликами. Павлов относил данный тип темперамента к слабому типу. Меланхолики являются интровертами, страдают от аффективных и тревожных проблем чаще, чем обладатели других типов темперамента» (Меланхолик: Электронный ресурс).

² «В юриспруденции психическое расстройство определяется как более точный термин, введенный в Уголовный кодекс РФ вместо устаревшего понятия душевная болезнь; включает временное психическое расстройство, хроническое психическое расстройство (заболевание), слабоумие, а также иные болезненные состояния (ст. 21 УК РФ). Наличие психического расстройства является медицинским критерием, который наряду с юридическим (невозможность осознавать значение своих действий или руководить ими) определяет состояние невменяемости у лица.

В патопсихологии (разделе клинической психологии) при систематизации психических расстройств в первую очередь учитывают то, как нарушено протекание (структура) самих психических процессов, определенных компонентов мозговой деятельности, ее звеньев и факторов, выпадение которых является причиной формирования наблюдаемой в клинике симптоматики.

Критериями наличия психического расстройства в широком смысле являются критерии, обратные критериям психического здоровья, в частности не критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам.

В плане эмоций человек может особенно сильно и несоразмерно произошедшим событиям чувствовать себя несчастным / «сверхсчастливым» или, наоборот, не иметь никаких адекватных чувств. В мышлении при психическом расстройстве могут нарушаться логические взаимосвязи мыслей, проявляться крайне положительные или безмерно отрицательные суждения о других и о самом себе, может утрачиваться способность критической оценки» (Психическое расстройство: Электронный ресурс).

³ Г. Н. Кузнецова родилась 10 декабря (27.11. по старому стилю) 1900 г. Оставила Россию в 1920 г. В 1922 г. из Праги переехала в Париж, где познакомилась с Буниным. С 1927 г. стала жить в доме Буниных при живой жене Бунина Вере Николаевне, прожила там с редкими перерывами в два-три месяца до апреля 1942 г. У Кузнецовой с Буниным были «чисто личные» отношения, разрыв был «болезненным» для обоих (слова Г. Кузнецовой). Переехала в Канны. В 1942 г. — уехала в США, жила в Женеве, скончалась в Мюнхене 8 февраля 1976 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автобиографическая заметка (Бунин Иван Алексеевич) [Электронный ресурс] // Bunin.org.ru. URL: <http://bunin.org.ru/library/o-bunine/avtobiograficheskaya-zametka-bunin.htm> (дата обращения: 22.05.2017).

Бабореко, А. К. (1960) И. А. Бунин на Капри (по неопубликованным материалам) // В большой семье. Проза. Стихи. Литературная критика. Смоленск : Смоленское книжное издательство. С. 238–253.

Бахрах, А. В. (2005) Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. М. : Вагриус. 592 с.

Бахрах, А. В. (1928) В защиту читателя // Дни. 27 мая (№ 1431). С. 3.

Берберова, Н. Н. (1996) Курсив мой : Автобиография. М. : Согласие. 736 с.

Бунин, И. А. (2007) Письма 1905–1919 годов / под ред. О. Н. Михайлова ; отв. ред. С. Н. Морозов. М. : ИМЛИ РАН. 832 с.

Бунин, И. А., Бунина, В. Н. (2005) Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных и другие архивные материалы : в 2 т. / под ред. М. Грин. М. : Посев. Т. 2. 431 с.

Бунин Иван Алексеевич [Электронный ресурс] // Az.lib.ru. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1890-3.shtml (дата обращения: 12.12.2017).

Ваш Бунин. (2010) Стихотворения, рассказы и повести, роман, публицистика, автографы, хроника жизни и творчества / сост. О. Н. Михайлов и др. М. : Классика. 590 с.

Гениальность: Божий дар или наказание? (2006) / под ред. Г. В. Сигалина. Репр. воспр. изд. 1925–1930 гг. М. : Изд-во «Дом РДФ». 1711 с.

Герцен, А. И. (1956) Собрание сочинений : в 30 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР. Т. VII. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 гг. 474 с.

Гиндикин, С. Г. (2001) Рассказы о физиках и математиках. 3-е изд. М. : МЦНМО. 448 с.

Гиппиус, В. В. (1999) Гоголь. Воспоминания, письма, дневники. М. : Аграф. 464 с.

- Достоевский, Ф. М. (1975) Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука. Т. 13. 452 с.
- И. А. Бунин: Pro et contra. (2001) Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей : антология / отв. ред. Д. К. Бурлак. СПб. : Изд-во РХГИ. 1015 с.
- Классик без ретуши (2010): Литературный мир о творчестве И. А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е — 1950-е годы) / Н. Г. Мельников (общ. ред.). М. : Книжница ; Русский путь. 928 с.
- Кузнецова, Г. Н. (1967) Грасский дневник. Вашингтон : КамИн. 315 с.
- Кузнецова, Г. Н. (1995) Грасский дневник: [О И. А. Бунине]; Рассказы. Оливковый сад. [Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко]. М. : Московский рабочий. 409 с.
- Литературное наследство (1973а). Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1 / ред. А. Н. Дубовиков и С. А. Макашин при участии Т. Г. Динесман. М. : Наука.
- Литературное наследство (1973б). Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2 / ред. А. Н. Дубовиков и С. А. Макашин при участии Т. Г. Динесман. М. : Наука.
- Меланхолик [Электронный ресурс] // Wiki2. Википедия. Переиздание. URL: wiki2.org/ru/Меланхолик (дата обращения: 12.12.2017).
- Одоевцева, И. В. (1989) На берегах Сены. М. : Художественная литература. 333 с.
- Новая российская энциклопедия (2013) / под ред. А. Д. Некипелова, В. И. Данилова-Данильяна, В. М. Карева и др. М. : Энциклопедия, НИЦ ИНФРА-М. Т. 12 (1). Нитра — Орлеан.
- Новая российская энциклопедия (2015) / под ред. А. Д. Некипелова, В. И. Данилова-Данильяна, В. М. Карева и др. М. : Энциклопедия, НИЦ ИНФРА-М. Т. 15 (1). Сент-Кис и Невис — Соединенные.
- Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым (1983) / публ. А. Зверева // Новый журнал. №152. С. 181.
- Психическое расстройство [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Психическое_расстройство (дата обращения: 02.05.2017).
- Родители Ивана Бунина [Электронный ресурс] // Родовое Дерево. URL: http://www.rodovoderevo.ru/family19565/book_record5362 (дата обращения: 02.05.2017).
- Седых, А. (2003) Далекие, близкие: Воспоминания. М. : Изд-во «И. В. Захаров». 318 с.
- Яновский, В. С. (2000) Собрание сочинений : в 2 т. М. : Гудьял-Пресс. Т. 2. 496 с.
- Graham, S. (1925a) Russian Writers in Exile. Ivan Bunin // Times. April 3.
- Graham, S. (1925b) Russian Vignettes // Saturday Review of Literature. February 21.

Дата поступления: 12.09.2017 г.

NOT A GOD-GIVEN TALENT BUT A NATURAL PHENOMENON

I. M. ILINSKIY

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper represents the author's insight into the personality and work of the Russian writer I. A. Bunin. The author's attention is focused on the subject of the great writer's mental condition, including the hereditary factor. The analysis is based on the heuropathology theory by G. V. Segalin, who described pathologies as biological factors of genius.

Bunin's genealogy is analysed alongside the peculiarities of the writer's and his parents' biographies. The paper quotes eye-witnesses' statements, Bunin's rhetoric about himself, and mentions instances of his life.

Keywords: I. A. Bunin; Russian literature; psychology of creativity; mental condition; genius; heuropathology; G. V. Segalin

REFERENCES

Avtobiograficheskaia zametka (Bunin Ivan Alekseevich). *Bunin.org.ru* [online] Available at: <http://bunin.org.ru/library/o-bunine/avtobiograficheskaya-zametka-bunin.htm> (access date: 22.05.2017). (In Russ.).

Baboreko, A. K. (1960) I. A. Bunin na Kapri (po neopublikovannym materialam). In: *V bol'shoi sem'e. Proza. Stikhi. Literaturnaia kritika*. Smolensk, Smolenskoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 238–253. (In Russ.).

Bakhrakh, A. V. (2005) *Bunin v kbalate i drugie portrety. Po pamiati, po zapisiam*. Moscow, Vagrius. 592 p. (In Russ.).

Bakhrakh, A. V. (1928) V zashchitu chitatelia. *Dni*, 27 May (No. 1431), pp. 3. (In Russ.).

Berberova, N. N. (1996) *Kursiv moi : Avtobiografiia*. Moscow, Soglasie. 736 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (2007) *Pis'ma 1905–1919 godov* / ed. O. N. Mikhailova, S. N. Morozov. Moscow, IMLI RAN. 832 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. and Bunina, V. N. (2005) *Ustami Buninykh. Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny Buninykh i drugie arkhivnye materialy* : in 2 vol. / ed. by M. Grin. Moscow, Posev. Vol. 2. 431 p. (In Russ.).

Bunin Ivan Alekseevich. *Az.lib.ru* [online] Available at: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1890-3.shtml (access date: 12.12.2017). (In Russ.).

Vash Bunin. (2010) *Stikhotvoreniia, rasskazy i povesti, roman, publitsistika, avtografy, khronika zhizni i tvorchestva* / comp. by O. N. Mikhailov et al. Moscow, Klassika. 590 p.

Genial'nost' : Bozhii dar ili nakazanie? (2006) / ed. by G. V. Sigalina. Repr. vospr. izd. 1925–1930 gg. Moscow, Dom RDF Publ. 1711 p. (In Russ.).

Gertsen, A. I. (1956) *Sobranie sochinenii* : in 30 vol. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. Vol. VII. *O razvitiu revoliutsionnykh idei v Rossii. Proizvedeniia 1851–1852 gg.* 474 p. (In Russ.).

Gindikin, S. G. (2001) *Rasskazy o fizikakh i matematikakh*. 3rd ed. Moscow, MTsNMO. 448 p. (In Russ.).

Gippius, V. V. (1999) *Gogol'. Vospominaniia, pis'ma, dnevniky*. Moscow, Agraf. 464 p. (In Russ.).

Dostoevskii, F. M. (1975) *Polnoe sobranie sochinenii* : in 30 vol. Leningrad, Nauka. Vol. 13. 452 p. (In Russ.).

I. A. Bunin: Pro et contra. (2001) Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei : antologiya / ed. by D. K. Burlak. St. Petersburg, Izd-vo RKhGI. 1015 p. (In Russ.).

Klassik bez retushi (2010): Literaturnyi mir o tvorchestve I. A. Bunina. Kriticheskie otzyvy, esse, parodii (1890-e — 1950-e gody) / N. G. Mel'nikov (ed.). Moscow, Knizhnitsa ; Russkii put'. 928 p. (In Russ.).

Kuznetsova, G. N. (1967) *Grasskii dnevnik*. Vashington, KamkIn. 315 p. (In Russ.).

Kuznetsova, G. N. (1995) *Grasskii dnevnik: [O I. A. Bunine]; Rasskazy. Olivkovyi sad*. [comp. by A. K. Baboreko]. Moscow, Moskovskii rabochii. 409 p. (In Russ.).

Literaturnoe nasledstvo (1973a). Vol. 84: Ivan Bunin. Book 1 / ed. by A. N. Dubovikov, S. A. Makashin and T. G. Dinesman. Moscow, Nauka. (In Russ.).

Literaturnoe nasledstvo (1973b). Vol. 84: Ivan Bunin. Book 2 / red. A. N. Dubovikov i S. A. Makashin pri uchastii T. G. Dinesman. M. : Nauka. (In Russ.).

Melankholikю *Wiki2. Vikipediia. Pereizdanie*. [online] Available at: wiki2.org/ru/Melankholik (access date: 12.12.2017). (In Russ.).

Odoevtseva, I. V. (1989) *Na beregakh Seny*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 333 p. (In Russ.).

Novaia rossiiskaia entsiklopediia (2013) / ed. by A. D. Nekipelova, V. I. Danilova-Danil'iana and V. M. Kareva et al. Moscow, Entsiklopediia, NITs INFRA-M. Vol. 12 (1). Nitra — Orlean. (In Russ.).

Novaia rossiiskaia entsiklopediia (2015) / ed. by A. D. Nekipelov, V. I. Danilova-Danil'ian ad V. M. Kareva et al. Moscow, Entsiklopediia, NITs INFRA-M. Vol. 15 (1). Sent-Kis i Nevis — Soedinnnye. (In Russ.).

Perepiska I. A. Bunina s M. A. Aldanovym (1983). *Novyi zhurnal*, no. 152, pp. 181. (In Russ.).

Psikhicheskoe rasstroistvo. *Vikipediia. Svobodnaia entsiklopediia* [online] Available: http://ru.wi-kipedia.org/wiki/Psikhicheskoe_rasstroistvo (access date: 02.05.2017). (In Russ.).

Roditeli Ivana Bunina. *Rodovoe Derevo* [online] Available at: http://www.rodovoderevo.ru/family19565/book_record5362 (access date: 02.05.2017). (In Russ.).

Sedykh, A. (2003) *Dalekie, blizkie: Vospominaniia*. Moscow, Izd-vo «I. V. Zakharov». 318 p. (In Russ.).

Ianovskii, V. S. (2000) *Sobranie sochinenii* : in 2 vol. Moscow, Gud'ial-Press. Vol. 2. 496 p. (In Russ.).

Graham, S. (1925a) Russian Writers in Exile. Ivan Bunin. *Times*, April 3.

Graham, S. (1925b) Russian Vignettes. *Saturday Review of Literature*, February 21.

Submission date: 12.09.2017.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Iilinskiy Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru